

Н. В. Перцов

Концептуальный и терминологический аппарат лингвистики нуждается в коррекции: многие лингвистические термины понимаются и используются по-разному в разных лингвистических направлениях разными лингвистами (можно вспомнить старый афоризм: «Имеется столько же лингвистических школ, сколько существует лингвистов»). Поэтому в данной области гуманитарного знания можно констатировать весьма грустную ситуацию. Разработка относительно строгой концептуальной системы – типа той, которая была предложена И. А. Мельчуком для морфологии в его пятитомной фундаментальной монографии «Курс общей морфологии (описательной и теоретической)» [Mel'suk 1993-1998] (последний, пятый, том должен быть опубликован в 2000 г.; русский перевод первых трех томов – [Мельчук 1997-2000]) – может приблизить лингвистику к точным наукам и тем способствовать прояснению скрытых лингвистических феноменов, связей между ними и ранее известными, между научными понятиями и языковой реальностью, может способствовать предсказанию дедуктивно возможных фактов и заполнению логически допустимых “ячеек”, не представленных в языковом материале к настоящему времени.

В рамках данной методологии мы рассмотрим одно из важнейших понятий лингвистики, совершенно ясное и постижимое для языковой интуиции неуклюжего носителя языка (“человека с улицы”) и при этом неуловимое и не поддающееся формализации, - понятие СЛОВО. Люди манипулируют словами так, как если бы слова были физическими объектами, доступными для ощущений. В связи с этим можно вспомнить известный эпизод из великого романа Франсуа Рабле, когда путешественники слышат слова, звучавшие некогда во время морского сражения и оттаявшие с приходом оттепели, словно глыбы льда. Для наивного языкового сознания, даже для сознания неграмотного дикаря, слово - это отнюдь не научное понятие, такое как фонема, морфема, подлежащее и т. п., а совершенно реальная и осязаемая вещь. И в то же время это одно из самых трудных лингвистических понятий, ускользающих от определения в течение столетий несмотря на многочисленные попытки его прояснения.

Это понятие скрывает за собой три возможных “прочтения”: сегмент (грубо говоря, отрезок текста, ограниченный с обеих сторон пробелами или знаками препинания), словоформа (минимальный лингвистически автономный знак), лексема (множество всех словоформ или аналитических форм, которые обладают тождественным лексическим значением, т. е. описываются одной и той же словарной статьей). Второе из этих понятий – словоформа – будет рассмотрено ниже с точки зрения его строгого определения, формулируемого на аксиоматической основе, т. е. на основе множества исходных понятий, которые - в рамках данной концептуальной системы - принимаются в качестве неопределяемых – *indefinibilia*, - и производных понятий, определенных к соответствующему моменту. Два фундаментальных свойства словоформ, отличающих их от компонентов словоформ и от словосочетаний, таковы: (I) их относительная автономность в речевой цепи (словоформа способна образовывать полное высказывание – речевое выражение между двумя полными паузами – либо (i) сама по себе, либо (ii) вместе со словоформой типа (ii), удовлетворяя в этом последнем случае множеству некоторых критериев, специфических для соответствующего языка, - критериев слабой автономности – см. ниже); (II) их минимальность (словоформа не может быть нацело расчленена на автономные единицы), каковое свойство обуславливает спаянность значимых компонентов (морфов) в составе словоформы. Наше определение словоформы строится на базе

концептуального аппарата Мельчука и во многом сходно с его определением в [Мельчук 1997:176], однако по некоторым важным пунктам отличается от последнего.

Прежде чем переходить непосредственно к обзору понятий, имеющих отношение к определению словоформы, рассмотрим примеры словоформ на фоне других языковых выражений, словоформами не являющихся. А именно, бросим взгляд на следующие группы выражений:

(Г1) *Великолепные картины! Престолы вечные снегов!* (Пушкин).

(Г2) *съесть собаку, сесть в калошу, дать дуба; синий чулок, клумбово яйцо, яблоко
раздора, третий калач*

(Г3) *будет читать, был прочитан*

(Г4) (а) *Луиза, профессор, роман, свобода, полдень, непостижимый, ленивый, читают,
пойдем, иди, везде, всегда, никогда, или, где, я, меня, мы, ему*

(b) *от, к, благодаря* (предлог), *в, если, и, или*

(Г5) *каланч-* [основа словоформы *каланча*], *-оват* [суффикс прилагательного], *-иц*
[суффикс существительного - *тигрица*], *недо-, пере-*

(Г6) англ. *I'm* [*I am*], *he'd* [*he had / would*], *I'll* [*I shall / will*], *she's* [*she is / has*], *we're* [*we
are*], *shoulda* [*should have*], *gonna* [*going to*], *could've* [*could have*]

Выражения группы (Г4) – словоформы – отличаются от выражений первых трех групп своей минимальностью с точки зрения плана выражения (свойство II выше); а от выражений групп (Г5) и (Г6) – своей автономностью (свойство I). При этом выражения группы (Г6) (точнее - подчеркнутые фрагменты этих выражений), несмотря на свою полную неавтономность, с интуитивной точки зрения тоже входят в число словоформ. Указанные данные нашей интуиции должны быть учтены в определении словоформы.

Определение словоформы, которое будет предложено в настоящем сообщении, опирается на следующие понятия, трактуемые в соответствии с [Мельчук 1997]: высказывание; сегментный знак; свойства знаков - сильная автономность, делимость, дистрибутивная вариативность, переставимость, переместимость, слабая автономность; чередование; представимость знаков, их означаемых и означающих. Опираясь на монографию Мельчука, мы позволим себе ограничиться экспликацией этих понятий и краткими комментариями к некоторым из них. (Мы также заимствуем из [Мельчук 1997] некоторые примеры.)

1. Высказывание = речевое выражение, способное выступать в естественных условиях между двумя полными паузами.
2. Сегментный знак = знак, означающее которого является цепочкой фонем.

Сегментные знаки противопоставляются, с одной стороны, супraseгментным знакам (например, тональным), а с другой стороны, знакам-операциям (апофониям, редупликациям, конверсиям).

3. Сильно автономный знак = знак, способный образовывать высказывание. (Как показывает группа (Г4b), отнюдь не все словоформы сильно автономны, причем не только служебные. Например, во французском языке не являются сильно автономными личные глагольные формы – на вопрос *Qu'est-ce qu'ils font?* нельзя ответить *Lisent*, но только *Ils lisent* 'Они читают'.)
4. Знак X отделим от сильно автономного знака Y в сильно автономном

контексте "X + Y" или "Y + X" = X может быть отделен от Y-а посредством сильно автономного знака Z – так, что соответствующее выражение ("X + Z + Y" или "Y + Z + X") оказывается правильным и в нем семантическое отношение между X и Y такое же, как в исходном выражении. (В соответствии с данным критерием отделимы предлоги: *к дому ~ к зеленому дому*.)

5. Знак X дистрибутивно вариативен = X может выступать в разных выражениях

совместно с сильно автономными знаками Y и Z, принадлежащими к разным частям речи, причем семантическое отношение между X и Y и между X и Z в соответствующих выражениях одно и то же. (В соответствии с данным критерием дистрибутивно вариативны частицы *же, ли, -то*: *Он же нам об этом рассказал ~ Рассказал же он нам об этом; Писал ли брат это письмо вчера? ~ Брат ли писал это письмо вчера? ~ Это ли письмо брат писал вчера? ~ Вчера ли брат писал это письмо?* Что касается знака *-ка*, который грамматики обычно тоже относят к частицам, этот знак не является дистрибутивно вариативным; о его аффиксальном статусе см. [Перцов 1996]).

6. Знак X переставим в сочетании с сильно автономным знаком Y = знаки X и Y

можно поменять местами с сохранением правильности выражения и семантического отношения. (В соответствии с этим критерием переставима частица *-таки*: *Он приехал-таки ~ Он таки приехал*. Переставимы французские личные глагольные формы в следующих контекстах: *Vous le lui donnez ~ Donnez-le-lui!; Il peut ~ Peut-il?; Nous pouvons ~ Pouvons nous?*)

7. Знак X переместим = X может быть перемещен от сильно автономного знака Y к некоторому другому знаку Z в том же выражении - с сохранением правильности выражения и семантического отношения. (В соответствии с этим критерием переместима частица *бы*: *Если он рассказал бы нам об этом... ~ Если бы он рассказал нам об этом...* Ограниченно переместимы местоименные клитики во французском: *Cette histoire, il l'entends raconter; Jean lui a fait porter ces livres par son domestique*.)
8. Знак X слабо автономен = X обладает хотя бы одним из свойств, указанных в пунктах 4-7, т. е. отделимостью, дистрибутивной вариативностью, переставимостью или переместимостью.
9. Чередование (фонологическое) = операция мены цепочек фонем /f/ => /g/.
10. Языковая единица E представима через языковые единицы F и G = E может быть представлена как объединение единиц F и G в соответствии с правилами данного языка.

Определения в пунктах 4-7 задают критерии, или свойства, слабой автономности языкового знака. Подчеркнем, что эти критерии не являются абсолютными, они градуальны: та или иная единица может обладать тем или иным свойством слабой автономности в большей или в меньшей степени.

Так, французская отрицательная частица *ne* обладает весьма ограниченной отделимостью: для нее в качестве сильно автономных отделителей могут выступать лишь местоименные наречия *rien, jamais* и *presque* – и только перед инфинитивом: *Ne rien <jamais> jeter; Ne presque rien manger*. Отделимость русского префиксального элемента *-кое-* – способность отделяться от знака-ориентира посредством предлога (*кое к кому*) – настолько ничтожна, что это не позволяет соответствующей единице приобрести статус словоформы. Любопытно, что аффиксы и аффиксоиды могут в конкретных контекстах приобретать отделимость – например, некоторые префиксальные элементы в ситуации сочинительного тмезиса, ср. франц. *le para- ainsi que ferromagnetisme, en socio- ou bien en psycholinguistique*.

Свойство делимости можно проиллюстрировать на примере сопоставления русского знака *пол* и французского *mi-*, означающих 'половина': первый обладает делимостью, а второй нет, ср. *полсентября* ~ *пол прошедшего сентября* ~ *mi-septembre* (отделить *mi-* от знака-ориентира ничем невозможно).

Теперь мы располагаем полным набором концептуальных средств для формулировки определения.

Сегментный знак X называется словоформой = Для X-а выполняется какое-либо из двух условий - (1) или (2):

(1) (a) X достаточно автономен в данном языке [т. е. либо сильно автономен, либо удовлетворяет каким-либо критериям слабой автономности] и при этом:

(b) X не представим через другие достаточно автономные знаки, и

(c) означающее знака X не представимо через означающие других достаточно

автономных знаков;

(2) X представим через некоторую словоформу X' и некоторое чередование в данном языке, и при этом X может быть заменен в любом выражении словоформой X' без нарушения правильности и без изменения смысла исходного выражения.

Пункт (2) в данном определении содержательно совпадает с пунктом 2 Определения 1.23 в [Мельчук 1997: 176].

Пункт (1a) исключает из числа словоформ не обладающие автономностью основы и аффиксы, т. е. единицы группы (Г5).

Пункт (1b) исключает из числа словоформ их свободные сочетания и аналитические формы, т. е. выражения группы (Г1) и (Г3), а пункт (1b) – их идиоматические сочетания – фраземы, т. е. выражения группы (Г2).

Пункт (2) оставляет среди словоформ такие единицы, как консонатные концовки английских вспомогательных глаголов – см. выражения группы (Г6), - среди которых имеются выражения, полностью лишенные какой-либо автономности (скажем, форма *'m* абсолютно неавтономна, а форма *'s* - в значении *is* или *has* - обладает делимостью: *The drive home tonight's been really easy*).

Какова должна быть степень достаточности слабой автономности знака, на которой основан пункт (1a) нашего определения, чтобы этот знак мог претендовать на статус словоформы? Общего ответа на этот вопрос мы не знаем.

Предложенное определение отличается от определения И. А. Мельчука, как представляется, большей прозрачностью: Мельчуку – для определения языковой словоформы – пришлось прибегнуть к дополнительному понятию речевой словоформы; кроме того, в его рекурсивном определении словоформы не выделен базис рекурсии, что делает это определение, строго говоря, некорректным. В нашем определении, тоже рекурсивном, как явствует из его пункта (2), этот изъян преодолен.

Мельчук 1997-1000 – Мельчук И. А. Курс общей морфологии (теоретической и описательной). – Т. 1 – 1997, Т. 2 – 1998, Т. 3 – 2000. – М.: Языки русской культуры.

Перцов 1996 – Перцов Н. В. Элемент –ка в русском языке: словоформа или аффикс? // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. М.: Индрик, 1996. – С. 574-583.

Mel'cuk 1993-1998 – Mel'cuk I. A. Cours de morphologie generale (theorique et descriptive).

998. 1 – 1993, V. 2 – 1994, V. 3 – 1996, V. 4 – 1998. – Les Presses de l'Universite de Montreal, CNRS Editions.